

Александр МАРКОВ, Оксана ШТАЙН

КАЙНОГРАФИЯ: БОРИС ОСТАНИН КАК ФИЛОСОФ

Борис Останин (1946–2023)¹ был человеком-манифестом. Манифестарность, открытость всегда сопровождала его, даже когда он делал что-то техническое. Последний его труд, конспект-словарь «Догадки о Набокове» – изощренная техника сопоставления слов, фраз, фигур, но и целых пластов и периодов творчества писателя. При всей как будто игровой природе этого труда, в нем самое главное – спор с любой тенью монументальности в набоковедении, допущением, будто Набоков был просто неким совершенным и пестующим свое совершенство писателем. Таков яростный выпад против китчевого образа Набокова, при этом невероятно учтивый к тому особому жару вдохновения, обжигу, из которого выходят вместе с новыми понятиями и словами новые миры. Из «бледного пламени» рождается жар-птица, почти Стравинский, или шахматная доска с бледными клетками, предутренний туман, скользящие гласные, скатывающиеся с горки русского языка на начищенный пол воспоминаний, и многое другое.

Останин развивал *новый метод* анализа литературных произведений, ссылаясь на упомянутый Платоном *экономический* метод – установление правильности имен. Реальность интендирует к вербальному обозначению, именованию. Человек тогда начинает и продолжает как теург: «Сущность человека покоится в языке», – говорил Хайдеггер². Язык взыскует такого продолжения, потому что он не производный результат, но деятельность, процесс, гумбольдтовская *энергия*. Человек, чья профессия – писатель, публицист, критик, эссеист, такой процесс возводит в кратную степень. Он рас-сказывает, сказывает нам о мире снов/реальности. С-казывает, по-казывает, объявляет – являет, дает увидеть и услышать мир. Борис Останин определяет язык как анатомическую структуру: «Согласные языка – его материнские кости, гласные – отцовское дыхание»³.

Петр Казарновский вспомнил недавно о противостоянии Останина и Эрля, двух великих монстров филологической «второй культуры». «Мне было известно неприятие Останина, которое проповедовал Вл. Эрль. В такой форме отношения я как-то не смел разбираться, чувствуя какую-то интимность этой вражды. Помню публичный выплеск Хеленукта-текстолога в адрес оппонента, когда вся публика напряглась»⁴. *Хеленуктизм* Эрля основан на особом археографическом внимании, к любому листку архива, к артефактам. Это, можно

¹ Часть статьи была представлена А.В. Марковым как доклад на Одиннадцатой международной конференции «Музыка – Философия – Культура», Московская государственная консерватория, Москва, 21 мая 2024 г. как один из докладов по проекту РНФ № 24-18-00248 «“Антиномическая поэтика” русского символизма: современные концепции и практики анализа» (выполняется в ИМЛИ РАН, рук. С.В. Федотова).

² Хайдеггер М. Путь к языку / пер В.В. Бибихина // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 259.

³ Останин Б. 37,1. СПб.: ООО «Торгово-издательский дом “Амфора”», 2015. С. 22.

⁴ Казарновский П. Непрерывный пунктир (об Останине Борисе) // Новое литературное обозрение. 2024. № 2 (186). С. 255.

сказать, ритмичное проживание архива, с постоянными синкопами, прерывающими на реальность. Эрль увлекает, Останин вдохновляет. Мы бы назвали метод Останина не *археографией*, а *кайнографией*, по аналогии с кайнозоом. Это метод описания всего случившегося как новизны, заглядывание в зазеркалье хайдеггеровского события бытия.

В построениях Хайдеггера глагол «быть», инфинитив привычного «есть», превращается в имя «бытие», возвращает в свою собственную сущность. Останин динамичнее и случайнее, он любил не только возвращение, но и прорыв к неизвестному. У Останина «случай это со-брасывание, сметание, сближение»¹ людей, комет, машин, планет, так видим мы в тексте-календаре «37,1» – с(о)-брасывание, сметание и сближение цитат, историй, имен и персонажей, стран и эпох. Текст случился. Книга стала не только календарем нашего будущего, но и диагностировала среднестатистическую температуру по больнице. Она оказалась тоже среднестатистической, так называемой субфебрильной, когда человек не болен, но и не здоров.

Состояние между, состояние на границе, состояние кого? Общества? Истории? Измерить температуру телу современности, скажем смело – все равно что прикоснуться критической ртутью к коже современного общества. Но здесь сразу сошлемся на применение Останиным метода *топографической рефлексии* – «отношение к миру как к продолжению кожи»². Так от мечал включенность и благодарил Бориса Останина профессор СПбГУ Валерий Владимирович Савчук в предисловии к книге «Забор как равновесие сил»³. «Россыпь идей и интуиций ко волнующей нас обеих теме»⁴ – теме продолжения коллективного тела в заборе или коже. Попытаться измерить температуру социального современного тела – значит диагностировать состояние в виде каких-то данных. И если забор Савчука – некая мембрана, показывающая все важнейшие данные, то кожа коллективного тела Останина – *натяжение смыслов* на поверхности его текстов, сопрягающее различные и разнородные данные.

Сергей Завьялов вспоминает, что Останин приветствовал и неконформистов-позитивистов из числа антиковедов, ненавистников структурализма и апологетов канонической науки о древностях: «Останину, при всем его недоверии к позитивизму, такая атака на то, что не критически вошло в моду, была симпатична»⁵. Эти неопозитивисты называли структурализм «кайнофилологией», думая тем самым, что они опровергают его новизну – это не «нео-» изменения предмета, но какая-то странная новизна метода. Как раз Останин, отвергая новизну метода ради метода, мог объединиться с ними для критики «кайнофилологии», но кайнографии своей никогда не оставлял.

В сравнении с такой кайнографией многие обычные историко-философские построения звучат одновременно неуклюже и вызывающе, они присваивают настоящее. Вот, блестящий историк науки А.В. Ахутин объясняет непереводаемость понятия «усия» у Аристотеля, что это и сущность, и существование, и существо. Но обосновать «усию» он не может без обращения к хайдеггеровской или бахтинской проблематике. «“Усия” это не идеальная сущность, а, напротив, некое самостоятельно ведущееся “хозяйство” – дома, города или мира – живое “существо”, единственное или единичное, мыслимое в полноте своего бытия»⁶. Дом

¹ Останин Б. 37,1. С. 9.

² Савчук В.В. Забор как равновесие сил. – СПб.: Академическое исследование культуры, 2022. С. 14.

³ Там же. С. 8.

⁴ Там же.

⁵ Завьялов С. Бог молчит. Помолчим и мы // Новое литературное обозрение. 2024. № 2 (186). С. 262.

⁶ Ахутин А.В. Омонимия в переводе философских понятий // ESSE: Философские и теологические ис-

бытия, полнота бытия – совсем это не про Аристотеля, не про метека-богача, создавшего элитную школу в Афинах, консультанта великого императора, видевшего полноту бытия только в практическом благородстве, а не в той «усии», которую он показывает ученикам как пример. Ахутин предпочел не переводить слово усия, оставить грецизм там, где должна была бы развернуться русская философия и где требуется новая запись, *вторая запись* (как назвал Одиссеас Элитис свою книгу переводов).

Тогда как кайнография, наоборот, исходит из того, что письмо всегда написано кому-то, что культура *дописывается*, когда ученики узнают об усии, названной совсем по-новому. Когда мы читаем Набокова, мы доигрываем некоторые шахматные партии, и они доигрываются в самой реальности. Параджанов только и делает персидскую миниатюру тем, что она есть.

Останин, переводчик в том числе Кастанеды, понимал, что и мистификации Кастанеды, неверного ученика Гарольда Гарфинкеля, тоже довершают антропологию, делая ее более узнаваемой. Гарфинкель разрабатывал гарфинкелинги, провокационные подрывы привычных рамок социального взаимодействия (например, набирать в супермаркете продукты не с полок, а из корзинок других покупателей, или пытаться купить газету у читающего ее полицейского), тогда как Кастанеда сделал гарфинкелинг главным событием бытия.

Написанная в 1970-е книга Бориса Останина «Пунктиры»¹ построена как «Опавшие листья» Розанова, только не «короба», а избранное из тетрадей. Это другой конструктивный принцип, не собирание своей личности из случайных ее проявлений, не постоянное довершение облика, не движение от поверхности к бесповоротной проникновенности, но напротив, постоянная критика своей многослойности, своей чувствительности, своего резонанса в отношении других культур. Это опыт особых выписок, которые не столько создают систему эмоциональных реакций, сколько показывают невозможность некоторых из таких эмоциональных реакций.

Тематически книга шире, чем ее розановские прообразы. Розанов мыслил по большей части линейно, как наблюдатель или путешественник, выстраивая мысль вдоль линии: трактата, путешествия, вообще состоятельности человека подвижного. Биbihин в своих лекциях и статьях понимал захваченность Розанова как разовую, как мгновенную состоятельность, как умное делание². Тогда как Останин мыслил всегда, переключаясь от одной реальности к другой: от сновидческой к предполагаемой, от идеализируемой к реализуемой, – и в этих переключениях и создавал смысл. *Вечные свободы* Останина как раз в том, что ни одну из этих реальностей нельзя объявить привилегированной, потому что суждение сразу потребует переключения и к другой реальности и вежливого почтения к ее смыслу.

Отсюда нелюбовь к Риму, который объявляет привилегированным выражение, а не смысл. В ней Останин неожиданно сходится с тем сопоставлением гладиаторских боев и римской поэзии, которое примерно тогда же, совсем независимо от Останина, предпринял А.Ф. Лосев³:

следования. 2018. Том 3. № 1. С. 10.

¹ Останин Б. Пунктиры. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2000. 174 с. Далее цитируется с указанием страницы в скобках.

² Биbihин В.В. Время читать Розанова // Розанов В.В. О понимании. М.: Танаис, 1996. С. XVIII: «Через головы поколений, переставших на свою беду бояться огня, Розанов приближается к нам в трезвом знании постоянного присутствия среди нас сил сильнее нас».

³ Лосев А.Ф. Эллинистически-римская эстетика. М.: МГУ, 1978. С. 27: «Мы уже говорили выше, что Рим натуралистичен. Натурализм, равно как и психологизм, равно как и страсть к декоративности, вытекает

Римская поэзия – риторика и дидактика... и вообще странное желание сказать «стихом» то, что можно сказать простым словом. (32)

Кто такие римляне, в конце концов? Солдафоны и театралы. (94)

Рим (конечно, не исторический, а воображаемый Рим эссеиста) – это плоская цивилизация, но ход не к цветущей сложности, а к еще большей плоскости. В конце концов, для Останина плоскость начинается там, где возникает линейное написание истории, археография как простое прозаическое письмо, простой учет дел, и он уже нападает не только на Рим, но и на Грецию. Геродот – образ линейного изложения истории, необратимости, когда почему-то один поступок (в том числе поступок письма) выстраивает за собой подчиненную вереницу нескольких. Отсюда его лозунги, направленные против линейного рационализма. Трансгрессия Спарты и оказывается судьбой Европы, ее настоящим, тогда как будущим будет анти-солипсизм: принятие другого с его необычным взглядом:

Забывать Геродота (не только Герострата)! (33)

Анти-солипсизм: существуют *только другие*. (36)

Люди – столь бездарные актёры, что и Бог, и дьявол давно покинули «мировой театр», не досмотрев пьесы до конца. (145)

Афины мало чему научили Европу, зато успех Спарты здесь несомненен. (133)

Останин пестует этот необычный взгляд, видя и в Европе женскую душу восприятия. Империи проходят, а это пестование нового, кайнография взгляда остается:

История Европы как переход от глаза-пальца (Греция) к глазу-уху (христианство) и глазу-взгляду (Возрождение). (38)

Голубое небо, синие тени, яркое солнце... Ну какое, казалось бы, мне дело до падения Византийской империи? (44)

Европу погубило многословие – сначала Гомера, затем Сократа. Отвратив от себя музыку, оно подменило её словом. Даже перевод Евангелия намеренно неточен: В начале было Слово... (138)

Как и Деррида, который критиковал монополию письменного свидетельства, *подписи*, так и Останин видел в этой монополии тавтологию, которая превращает историю-как-падение в простой археографический текст. Тогда как кайнография требует увидеть это падение, выпавшее, судьбу, шанс, принять как дело, вовлечься в какое-то дело, увлечься им. Кайнография – это когда ты не просто задед, но задеваешь что-то, при этом аккуратно. *Скорее ты сам упадешь, чем дашь чему-то упасть*.

В книге Останина появляется Восток, противостоящий линейности археографии. Напротив, Восток всегда отделяет себя от подписи, от описания, чтобы стать историей:

От Греции нам достались римские копии статуй, расколотые на куски.

сам собою из общей позиции абстрактной единичности, или субъективизма. Это один из наиболее частных аспектов римского чувства красоты. С наибольшей силой он сказался в указанных видах римских зрелищ».

Индия сохранила свою скульптуру целой. (51)

История как раз там, где нет этой риторико-поэтической линейности:

В многоруких и многоголовых индийских богах указано не столько движение мира, сколько его принципиальная «многотелость». (101)

Мужчина – мыслящий тростник, женщина – сахарный. (Там же)

Судьбы А. Бенуа и Н. Рериха показательны как эпигонско-эмигрантское завершение раскола русской мысли на западную и восточную. (124)

При этом, конечно, Останин переживал чувственно любое умножение: где множатся вещи, там множатся буквы. Где же вещь остается одинокой, как шпиль, там можно только поминать. Подпись остается надписью на могиле:

Во Франции *много* вина, и потому много поэтов.

В Германии *мало* вина, и потому много поэтов. (63)

Византийский купол – обитель Эроса;
готический шпиль – Танатоса. (91)

Округлость купола-соска соединяет прозу и поэзию. На прозу Останин всегда смотрел со стороны читательской, а на поэзию – со стороны автора. Проза для него складывалась как опыт читателя, постоянно подстерегающий, лукавящий и *не дающий* необычному поэтическому взгляду состояться, стать настоящим событием, обрести настоящую округлость бытийного переживания. Тогда как поэзия сбывается у него как *первый набросок*, набрасывание, меткость которого раскрывается только когда не ницшеанская лишь стрела, но розановская петля собственной судьбы летит вперед и захватывает предмет, которому расхотелось быть *только предметом*.